

Она родилась в Белоруссии в тот год, когда народ собирали в колхозы. Кроме нее, в семье было еще шестеро детей. По рассказу матери, год был голодным, в соседней Украине народ пухнул и умирал с голоду. Им тоже было не легче, отец отправлялся на заработки. А когда образовался колхоз, возможности такой он лишился. Последнюю корову сдали в общее хозяйство. Мать начала ухаживать за животными, но многие из них падали от бескормицы. Кое-как пережили зиму.

- *Хоть я и была вечно голодная, но росла здоровой, сильной, не в пример своим братьям и сестрам, которые были хлипкими, - с гордостью говорит о себе Анна Ивановна. - А фамилия моя настоящая Кривич, это уже здесь я Шиловой стала.*

Оккупация

Немцы вступали в деревню с двух сторон. С одной шла пехота, с другой – машины и мотоциклы. Слышалась браурная музыка. Остановившись возле школы, они деловито начали таскать в здание вещи. Всю площадь перед церковью заняла немецкая техника.

Анна вместе с братьями-по-

годками наблюдала за всем этим с сеновала своего дома. Они видели, как люди в серых одеждах разбегались по всей деревне и занимали лучшие дома, «освобождая» население от жилплощади. К ним в дом тоже забежали несколько немцев, но увидев на кровати вконец опаршившее от корост лицо бабушки и резкий запах травяных настоев, опрметью выскочили обратно.

Бабушка не была заразной. Сегодня ее болезнь называли бы попросту аллергией на тополиный пух и пчел. И такие казусы случались с ней каждое лето. Их глиняная избушка не отличалась роскошью: стол, лавки вдоль стен, да несколько топчанов. Ставни окон по-страшному скрипели от ветра. Мать просила отца замечать их, но тот только усмехался и говорил, что ставни музыкальные. А когда войну объявили, собрался и ушел воевать. Старшие дети, две сестры и брат, тоже последовали примеру отца. В доме остались мать, бабушка и четверо младших. К моменту прихода немцев в деревню Алесю было 14 лет, Егору – 13, Оксане – 11, Ане – 9 лет.

Ежедневно немцы собирали народ и отправляли на работы. В первые месяцы они вели себя довольно пристой-

Испытания не убили в ней человека

Когда человеку за 80, ему больше всего жить хочется, а в голове, как назло, то и дело всплывают картинки того прошлого, которое и вспоминать не хочется. Анна Ивановна Шилова с юных лет до самой пенсии трудилась в лесных хозяйствах: рабочей, возницей, уборщицей – одним словом, куда пошлют.

но. Но после того как их начали донимать партизаны, обзлылись. Аня ходила на работы вместе со всеми: собирала ягоды, таскала землю, месила глину, мыла машины и мотоциклы. Однажды за усердие пожилой немец одарил ее плиткой шоколада, которую она несла домой, как самую дорогую реликвию.

- *Анька, ты что у немцев собираешься? Они же враги, - накнулись на девочку братья.*

- *Отстаньте от нее, она еще ребенок, - заступилась мать. - А шоколад не съела, вам же принесла.*

С того дня угостивший девочку немец стал заглядывать к ним в дом. Он всегда глазами искал Аню. Однажды принес фотографию и, тыча в нее пальцем, повторял, как заклинание: «Муттер, Фриц, Эрика». Мать говорила, что девочка, которую он называл Эрикой, очень похожа на Аню.

Так они и жили при немцах. Позднее Анна поняла, что мальчишки, так или иначе, связаны с партизанами. Они иногда исчезали на всю ночь, временами выдворяли Аню и Оксану во двор, заставляя наблюдать, не подходит ли кто близко к дому. А если такое случалось, девочки начинали громко ругаться друг с другом, тем самым предупреждая о приближении чужого.

На третий год войны все чаще стали бегать по домам полицаи. Они были хуже фашистов, переворачивали все в доме, лезли в подпол, на всякий случай, стреляли, чтоб их боялись.

Беда

Пришла беда – отворай ворота. Это верно подмечено. Однажды Алесь вернул-

ся домой весь в крови, кисть его руки болталась только на коже. Мать запричитала, собрала тряпки, начала обрабатывать руку. В это время нагрянули полицаи. Они схватили Алесь, следом Егора и мать, потащили их с собой. Анна с Оксаной кричали и бежали следом. Их, в конце концов, тоже схватили и вместе с родными затолкнули в сарай. В сарае уже сидело десятка два односельчан. Там Аня и услышала, что немцы бегут по всем фронтам и скоро освободят Белоруссию.

Алесь ныл от боли, мать его успокаивала, как могла. Вскоре брата увели на допрос. Обратно он не мог идти сам, его принесли и бросили в угол, он был без сознания. К вечеру сарай пополнился новыми обитателями.

- *Отсюда фашисты нас не выпустят, - сказала одна из женщин. - Они люты на расправу, могут всех сжечь живьем или в Германию свою отправить.*

- *Вот что, давайте подкоп делать, - предложил вдруг Егорка. - И уйдем отсюда.*

И люди поняли, что можно еще спастись или, хотя бы, детей вызволить. И пошла работа! К ночи отверстие у задней стенки сарая было вырыто. Когда совсем стемнело, ямку расширили и вытолкнули первого ребенка. Он отбежал в кусты и оттуда наблюдал, как выталкивают второго.

Часовой, услышав подозрительный шорох, заскочил в сарай, выстрелил, не глядя, в толпу и попал в Егора. Мальчик упал замертво. Мать закричала, остальные сдвинулись ближе к стене, где был подкоп. Кто-то схватил Аню за шею и наклонил к земле, давая понять, что надо исполь-

зовать момент и уходить. Она поняла и с трудом пролезла в отверстие. Потом огородами пробралась к своему дому. Бабушка лежала без чувств на своем топчане. Девочка напоила ее, растрясла и все рассказала.

- *Внученька, беги отсюда, они снова придут за тобой, - зашептала бабушка. - Мать уже не спасти, может, Оксанке удастся выйти, беги, ради всего святого, беги куда-нибудь.*

Анна никуда не побежала, а залезла под крышу. Она ждала Оксану. Наступило утро. Фашисты собрали народ на площади и всех, кто сидел в сарае, вывели и поставили в ряд.

- *Это партизаны и их пособники, - перевел староста речь высокомерного офицера. - Они должны быть казнены, как враги новой власти.*

- *А что дети тоже пособники? - раздался возмущенный голос.*

- *Да, они помогали партизанам, поэтому будут жить и отрабатывать в Германии.*

Потом подошли машины, людей стали загонять туда, в том числе, и тех, кого хотели расстрелять. Вопли, крики, выстрелы...

Вторая родина

Через три дня немцы спешно бежали из деревни, не забыв поджечь самые добротные дома. Дом Кривичей остался цел, но он был пуст. Бабушка умерла за день до этого, людей угнали в неметчину, остались в деревне два старика, да несколько пацанят. Когда советские танки появились в деревне, встретить их было некому.

Продолжение на 9 стр.

Мы и сегодня живы ими - солдатами великой той войны...

В семье Коробейниковой свято чтят память дедов и прадедов не только в День Победы, но и в любой другой день. На фото: портрет Коробейникова Александра Дмитриевича, 1902 г.р., уроженца с.Дворец, Очерского района, призванного на фронт в 1941г, пехотинца, отдавшего жизнь за Родину в 1943г. под Сталинградом. Коробейникова Марфа Филипповна, 1910 г.р., труженица тыла, в 1947г. награждена медалью «За доблестный труд в ВОВ 1941-1945гг.». Паклин Артемий Васильевич, служил в пехоте, погиб в 1944г. в Польше, в г.Женославица.

Анна Константиновна из с.Острожка с достоинством хранит память о муже, Бузмакове Алексее Гавриловиче, участнике Великой Отечественной войны. Родом он был из Кировской области, на свет появился в марте 1925 год. За год до войны окончил семь классов. День 22 июня 1941 г. запомнил на всю жизнь. В ряды Советской армии его призвали в апреле 1943г., а до этого молодому парню пришлось поработать и секретарем сельсовета, и его председателем. Имеет медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.», к 100-летию В.И.Ленина, «Ветеран труда» и другие.

ИМЯ В КНИГЕ ПАМЯТИ

Окончание. Начало на 8 стр.

Аню и мальчишек военные посадили в машину и увезли на железную дорогу. Там вместе с другими детьми отправили на Урал, чтобы ребята могли учиться. Ане было всего 11, но выглядела девочка старше своих лет, поэтому сказала, что ей 13.

В Перми детей распределили по разным детдомам. Анна попала в Очерский район. В первый же день она поссорилась с воспитательницей, которая обозвала ее хохлушкой. *- Я из Белоруссии, - дерзко ответила Аня. - И уеду обратно, а вы в своей дыре так и просидите.*

В общем, диалога не получилось, и на другой день девочка сбежала из детского дома. Прибилась по пути к старикам, которые ехали на лошади. Они привезли ее в свой дом, а потом пристроили в местный леспромхоз. Руки рабочие нужны были, ее приняли, но фамилию она назвала стариков - Шилова. Неделями жила в лесу вместе с другими работниками в наскоро поставленных помещениях. Позднее всю бригаду отправили в Оханский леспромхоз, где Анна и осталась. Жила на квартире у бабушки, Устиньи Филипповны Зелениной, на улице Красноармейской.

- Что же я особенного могу рассказать о своей работе? Вкалывала, как все, - Анна Ивановна смахнула слезу. - Надсадилась на этой работе. В молодости не замечала, а потом все сказалося. Пришло время - паспорт получила. В нем так и осталась чужая фамилия - Шилова, и возраст не мой. Да это и не важно. Я же одна из всей семьи выжила. Медаль за работу в войну тоже получила на чужую фамилию, но она мне стала родной. Своих детей у меня не получилось, двух приемышей пригрела. Выросли мальчишки, так и не собралась сказать им, что не мои они. А теперь уж и ни к чему. Внуков очень люблю.

Анна Ивановна через 20 лет после войны начала искать своих родных. И только сравнительно недавно узнала, что отец, Иван Лаврентьевич Кривич, пал смертью храбрых еще в первую военную зиму под Смоленском. Стар-

ший брат пропал без вести, старшие сестры работали в медсанбате и погибли вместе с ранеными во время одного из налетов немецкой авиации в Польше. Егор погиб в сарае, а мать с Алесем и Оксаной угнали в Германию, оттуда они не вернулись.

- Вроде, тяжело было, а

Спасибо им за это.

Анна Ивановна тяжело вздохнула и, с трудом передвигая натруженные ноги, прошла до окна, потом обратно, стараясь как можно меньше опираться на палочку.

- Доктор сказал, что ходить надо даже через «не могу», вот я и ковыляю ту-

я духом не падала, может быть, потому, что ребенком еще была, не осознавала тогда, чем закончится. Муж у меня был добрый, понимающий, в детстве блокаду пережил, он тоже приемных ребятшек полюбил. Век его только коротким оказался. Он даже при регистрации мою фамилию взял, свою хотел забыть, как сон, а почему, так и не рассказывал, а я не настаивала. Однажды мы с ним в лесу под падающее дерево попали. Я-то ничего, очухалась, а ему голову проломило. Увезли в Юго-Камск, но в себя он так и не пришел.

Анна Ивановна продолжала работать, боялась переходить на другое место, ведь образование у нее было всего три класса. Лишь за десять лет до выхода на пенсию решилась и перешла в истопники. Долго еще ей снились леса и спленные деревья, кучи сучков и костры.

- Сама удивляюсь, что раньше мне удавалось выбросить войну из головы. Правда, военные фильмы я старалась не смотреть, - нараспев, глядя в окно, произнесла бабушка. - Жила настоящим, настраивала себя на это. А сейчас будто в детство возвращаюсь. Видно, родные зовут, время пришло. Что меня на этом свете держит? Друг уже нет, Внуки и без меня проживут, не хочу быть для них обузой, но берегут меня.

Светлана Еловицова

Красный флаг

Вы тех прошедших дней не забываете! Россия встала из огня, в который раз! Герои павшие, живые - знайте; Потомки благодарны вам и помнят вас! Мы помнить все обязаны, товарищ... И Брест, и Краснодар, спаленное жнивье. Развалины, зловещий дым пожарищ, Концлагеря, расстрелы, виселицы - всё! Всё помните, коль память не остыла, Как шёл враг на Москву,

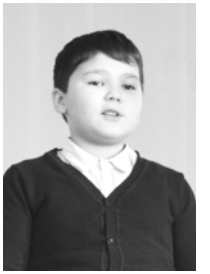
на Севастополь шёл.

Не раз порою слышать можно было: «Катись, фашист, туда - откуда ты пришёл!» И гнали мы обратно вражью свору. На запад зверя гнали, в логово, в Рейхстаг. И смят фашист могучим был напором... Победный вознесен над миром Красный флаг!

Баллада о войне

Оттремели бои, небо стало светлее, В рощах снова, как прежде, поют соловьи, Но не спит ветеран, гул боев вспоминая, И все чаще болят его раны войны. Вспоминает те горькие дни отступления, Стариков, что смотрели с укором им вслед, И зазывный набат окружных колоколов, Что народ поднимал на священную мсть. Не забыть ни руин, ни сожженные села, Вдовий плач, крик сирот и кресты у дорог, Вереницы людей, что свой кров покидали, Небо черное в гари сгоревших хлебов. Помнит он, как стояли у стен Сталинграда, Погибали в снегу, защищая Москву, Как, теряя друзей, шли упорно на запад, Чтобы землю очистить от фашистской чумы. И товарищей помнит, что с ним воевали, И с которыми вместе в штыковой он шел бой, Как последний патрон для себя оставляли, И друг друга от пуль прикрывали собой. Все пришлось испытать: и жару, голод, холод, Грязь и пыль бесконечных военных дорог, Полевой медсанбат, госпитальную койку, И мальчишку, что в каске водицы принес. Не забыть стариков, женщин, малых детишек, Кто Победу ковал здесь, в глубоком тылу, Кто в голодном бреду умирал в Ленинграде, Но не сдался, и город не отдал врагу. Не забыл бой последний у стен он Рейхстага И победное знамя все в снаряжном дыму, И, конечно, июньский парад в честь Победы И героев-солдат, защитивших страну. Слава вам, прошлой войны ветераны. Грозных боев на фронтах и в тылу, Знаем, порою болят ваши раны. В душах вы носите эту войну. Мы благодарны за чистое небо, За то, что ребята не знают войны, Сегодня в достатке у всех у нас хлеба, А в рощах цветущих поют соловьи.

Антон Каменев, Половинская школа.

А.А.Чудинов.

Мы и сегодня живы ими - солдатами великой той войны...

Леонид Иванович Масалкин служил в зенитной артиллерии на Кавказе. После возвращения домой продолжил педагогическую деятельность. Награжден орденом Отечественной войны второй степени, медалью «За оборону Кавказа» и юбилейными.

Мария Ивановна Масалкина - труженица тыла награждена медалями: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Ветеран труда», к 100-летию В.И.Ленина и юбилейными.

Александр Афанасьевич Калугин участник боев на Халхин-Голе, награжден орденом Красной Звезды, участвовал в Финской кампании. После этого получил бронь и до выхода на пенсию трудился на пороховом заводе.

В семье Васильевых портреты близких людей напоминают о войне. Суслова Леонида Александровича (слева) призывали на фронт в 1942 году, а в 1944-м демобилизовали после ранения. Оправившись, он трудился в инспекторе ЦСИ. Ушел из жизни в 1964 году. Дед Васильевых, Ощепков Алексей Николаевич в марте 1942 стал солдатом 1100 стрелкового полка. В августе получил тяжелое ранение легкого. Комиссован с первой группой инвалидности. Успел поработать лесником, а в 1952 году ушел из жизни.